

Сытно поев, Ян Лэ начал размышлять о своем леопардовом будущем. С момента перемещения в этот мир всё казалось ему сплошным хаосом, и лишь сейчас выдалась минутка, чтобы спокойно обо всём подумать.

Рана на животе, скорее всего, была получена в схватке — видимо, в пылу борьбы он не заметил других мелких укусов, так как эта рана была самой тяжелой. Что касается того, откуда они взялись, Ян Лэ не обладал памятью прежнего хозяина тела, поэтому оставалось лишь гадать. Вернется ли враг снова — тоже неизвестно, но раз уж так вышло, придется смириться: сейчас он всё равно ничего не мог изменить. Единственное, что радовало — о нем заботилась мать-леопард. Однако, глядя на их размеры, Ян Лэ понимал, что день, когда ему придется жить самостоятельно, уже не за горами.

Нелепое перемещение, превращение в леопарда — всё это повергло его в глубокое уныние. Жить в теле зверя не хотелось, а умирать было страшно. Не желая и дальше изводить себя душевными терзаниями, Ян Лэ решил настроиться на нужный лад и постараться выжить. В конце концов, раз уж он здесь, не идти же из-за этого на тот свет.

Ян Лэ перевел взгляд на мать, которая, наевшись, закрыла глаза и отдыхала. По её виду было понятно, что она очень устала. Леопарды обычно охотятся по ночам, и если она отправилась на промысел под палящим солнцем, значит, делала это ради него. Будучи человеком, он был сиротой и не знал материнской любви, но, став леопардом, сполна ощутил её. Ян Лэ был глубоко тронут и решил, что в будущем обязательно позаботится о старости своей матери.

Наступила ночь. Мать проснулась, издала несколько негромких звуков, глядя на Ян Лэ, и быстро скрылась в тени деревьев — видимо, отправилась на охоту. Ян Лэ примерно понял её намерение, поэтому не стал бежать следом, а остался на дереве, провожая её взглядом и ответив парой тихих звуков. Он верил, что его «мяу» означало: «Иди, я буду ждать тебя здесь». Хотя, по правде говоря, он не имел ни малейшего понятия, что именно означали его крики, но надеялся, что мать поймет посыл.

Благодаря её заботе, пусть и не всегда регулярной, на шестой день Ян Лэ наконец смог свободно забираться на деревья и спускаться вниз, не тревожа раны. Несмотря на то что он еще не до конца исцелился, оставаться на месте он больше не хотел. Он решил сопровождать мать на охоте, прежде всего, чтобы учиться. Иначе, став одиночкой, он рисковал стать первым леопардом, который умрет с голоду из-за неумения охотиться. Была и другая причина: Ян Лэ заметил, что по мере его выздоровления мать приносит ему всё меньше мяса. Он понимал, что если так пойдет и дальше, то, когда она перестанет его подкармливать, он погибнет от голода.

Кто-то мог бы подумать: неужели мать не могла заботиться о нем до полного выздоровления? Увы, мир природы жесток. Если бы другой леопард получил такие тяжелые раны, его бы бросили в девятистах девяти случаях из ста. На взгляд Ян Лэ, мать проявила чудеса любви, не оставив его в беде и продолжая искать пищу, пока он был беспомощен.

На седьмой день, когда сгустились сумерки, мать снова собралась на охоту. Ян Лэ, который внимательно следил за ней, сразу понял, что она готова к выходу. Он тут же вскочил и подошел к ней.

— Мам, мам, подожди меня, возьми с собой! — он издал несколько призывных звуков, стараясь выразить свою просьбу.

Поняла она его или нет — неизвестно, но Ян Лэ решил просто следовать за ней, куда бы она ни пошла. Мать посмотрела на детеныша и вздохнула. Недавно он начал самостоятельную жизнь, но вернулся через день с тяжелыми ранами — в конце концов, это её ребенок, она не могла просто смотреть, как он умирает. Вроде бы она его выходила, но, судя по наблюдениям последних дней, он как будто стал глуповатым — ничего не понимал. Изначально она планировала выгнать его, как только он окрепнет, но, заметив странности в его поведении, решила присмотреть за ним подольше.

Ян Лэ и не подозревал, что его беспомощность на самом деле спасла его от немедленной высылки. Однако из «смертного приговора» он перешел лишь в категорию «отсрочки»: если он не научится охотничьим приемам матери, то всё равно умрет — от голода.

Мать потерлась о него мордой и направилась к кустарникам, а Ян Лэ, виляя задом, засеменил следом. По пути они остановились у ручья. Ян Лэ с момента перемещения, кажется, ни разу не пил воды. Он помнил, что леопарды могут обходиться без неё дней десять, и до этого момента жажда его не мучила, но, увидев источник, он внезапно почувствовал сильную жажду. Ян Лэ был уверен — будь то физиология или психология — что его мать невероятно заботлива.

Утолив жажду, они отправились на поиски добычи. От выбора цели зависело, смогут ли они сегодня наесться досыта. Пройдя километра два, они обнаружили дикую свиноматку с пятью-шестью поросятами, которые рылись в кустах, оставляя после себя глубокие ямы. Увидев добычу, мать начала красться, стараясь не издавать ни звука. Ян Лэ старался подражать ей, ступая максимально осторожно. Мать, заметив его старания, заметно успокоилась: раньше она переживала, как её «глупыш» будет жить один, но теперь, видя его усердие, она почувствовала облегчение.

Мать медленно приближалась к свиньям, используя кустарник как укрытие. Она остановилась лишь тогда, когда расстояние стало идеальным для стремительного броска и смертельного укуса. Ян Лэ, разумеется, не мог претендовать на огромную свиноматку — его целью стал один из поросят. В нужный момент мать рванула вперед, словно выпущенная из лука, и мгновенно вцепилась в горло добыче.

Ян Лэ тоже бросился в атаку, но промахнулся и проскочил мимо — вышло довольно неловко. Не теряя времени, он затормозил, развернулся и, вцепившись в заднюю ногу поросенка, после короткой и суматошной борьбы наконец прикончил его. Маленький поросенок — дело сделано.

Не успел он порадоваться своему первому охотничьему трофею, как, обернувшись, увидел на морде матери выражение полнейшего недоумения. Она явно думала: «Бедный ребенок совсем сглупил». Хотя поведение его было нелепым, но ведь он впервые учился охоте, будучи еще не до конца здоровым — разве это не талант?

Мать не стала обращать на него внимания и принялась за трапезу. Ян Лэ, глядя на неё, тоже

начал есть. Возможно, из-за того, что добычу он поймал сам, мясо казалось ему невероятно вкусным. Наевшись на восемьдесят процентов, он подошел к матери, чтобы доесть остатки. Она лишь взглянула на него, не выказав возражений, и Ян Лэ воспринял это как разрешение. Он пристроился рядом, намереваясь доесть всё до конца.

Однако стоило ему сделать пару укусов, как мать резко вскочила. Ян Лэ, не понимая, в чем дело, продолжал жевать. Мать, не выдержав его бестолковости, отвесила ему оплеуху по голове и глухо зарычала. Ян Лэ в обиде отпрянул: не хочешь делиться — ладно, зачем же бить? Но, подняв голову, он увидел неподалеку несколько гиен, которые кружили вокруг, выжидая момент.

Ой! Испугался он не на шутку. Мать посмотрела на брошенное мясо, затем на гиен, и, хоть ей было жаль добычу, решила отступить. Тушу было тяжело тащить, поэтому она хотела съесть часть на месте, а остальное спрятать на потом. Но с гиенами связываться было слишком опасно. Ян Лэ прекрасно понимал, насколько они коварны, и поспешил вслед за матерью. К счастью, он успел наестся, так что поход не был напрасным.

Они нашли укрытие в густых кустах, защищенных от ветра, и улеглись на ночлег. Ян Лэ, сытый и согретый, тут же провалился в сон.

В последующие дни, пока раны не зажили окончательно, Ян Лэ продолжал учиться у матери: охота, когда был голоден, и сон для восстановления сил. Бывали дни, когда они оставались ни с чем, но чаще охота была успешной. Ян Лэ искренне восхищался матерью — она была великолепным охотником. В мире дикой природы хищники часто голодают, но за всё время, что он провел с ней, голодными они оставались редко.

Когда раны полностью зажили, мать решила, что пора выгнать сына в самостоятельную жизнь. Она не могла опекать его вечно: забота была лишь временной мерой. В день, когда Ян Лэ окончательно поправился, он, как обычно, пошел за ней на охоту, плотно поел и, следуя привычке, поплелся следом, рассчитывая найти место для отдыха.

Но тут мать на него зарычала. Поначалу он не понял, решив, что кто-то пытается отобрать еду, но вокруг было пусто. Он продолжал идти, и мать снова зарычала. После нескольких таких повторений до него наконец дошло: она требует, чтобы он перестал ходить за ней. Ян Лэ знал, что этот момент настанет, но всё же надеялся оттянуть его подольше. Он слишком хорошо осознавал свои силы: с его куцыми навыками охоты — кто знает, не умрет ли он с голоду?

Видя решительный настрой матери, он понял: пути назад нет. С этого момента Ян Лэ начинал жизнь странника в поисках собственной территории. Провожая мать взглядом, он немного погрузился, размышляя, куда же податься. Он подбросил в воздух косточку, оставшуюся от обеда, и решил: куда укажет, туда и пойдет. На два часа — ну что ж, странствовать так странствовать, какая разница, куда идти.

Ян Лэ не знал, что мать, беспокоясь за него, тайком вернулась посмотреть, как он там. Увидев его странные манипуляции с костью, она заволновалась еще больше и еще несколько

километров тихо следовала за ним по пятам, пока не убедилась, что с ним всё в порядке, и лишь тогда окончательно ушла.

<http://bllate.org/book/20967/2127871>